

Автор предупреждает, что все герои этого произведения вымышлены и сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Первый месяц летних каникул Костик провел у моей тетки, сестры отца, в Новгородской области. На остальные два его хотели взять мои родители, проживавшие с апреля по октябрь на даче в Белоострове, под Петербургом.

С одной стороны, мне будет намного удобнее ездить на дачу родителей, чем мотаться из Питера на Новгородчину, но с другой... Каждая моя встреча с отцом и матерью заканчивается грандиозным скандалом. По их мнению, я все делаю не так. А по-моему — они. Сейчас мне гораздо легче выдерживать их натиск и отражать удары, не то что в детстве, которое я вспоминаю, словно кошмарный сон. Нет, меня не били, почти не наказывали, только бесконечно «воспитывали». Как я их ненавидела временами... И дала себе слово: когда у меня появятся дети, я все буду делать с точностью до наоборот. И делаю. Я не хочу, чтобы у Костики сформировались какие-то комплексы, я стараюсь, чтобы его детство было по возможности веселым и беззаботным и он никогда в жизни не узнал, что такое домогательство.

Два года назад мы с сыном перебрались в квартиру моей теперь уже покойной бабушки. Бабушку парализовало после смерти деда. Родители настаивали на том, чтобы отдать ее в дом престарелых, я же заявила, что буду за ней ухаживать, — и мы с сыном переехали в ее двухкомнатную «хрущобу» со смежными комнатами. Признаюсь откровенно, я в первую очередь преследова-

ла корыстную цель — наконец-то съехать от своих. Лежащая больная в доме была для меня предпочтительнее постоянных воплей. Более того, я наконец смогла жить в квартире, где нет радио, а телевизор никогда не включается. Он и сейчас у меня стоит в уголочке, прикрытый салфеткой. Я наслаждаюсь тишиной.

Мало того, что в доме родителей мне приходилось терпеть постоянные скандалы, так еще и в комнате и на кухне непрерывно работали два телевизора — мать заглатывала все примитивные до омерзения сериалы про мексикано-аргентинско-бразильскую любовь, а отец старался пребывать в курсе всех политических событий, переключаясь с одной программы новостей на другую. В обоих телевизорах звук врубался на полную мощность. Слава богу, собственная политическая активность отца быстро сошла на нет — на первом же митинге, который он посетил лично, ему сломали руку и поставили хороший фингал под глазом, так что желание принимать личное участие у него было отбито в прямом и переносном смыслах, поэтому он «политизировался» дома у ящика или приемника. Но мне от этого было не легче.

После первых двух недель пребывания у бабушки мы с сыном вошли в ритм новой жизни и даже притерпелись к неприятному запаху. С бабушкой не требовалось разговаривать, ее не нужно было развлекать, она не смотрела телевизор и не слушала радио — ее не только парализовало, она постоянно пребывала в своем сказочном мире грез.

Я ухаживала за ней, кормила с ложечки, выносила «утку». Нанимать сиделку не требовалось — я работаю дома: расписываю деревянных матрешек, яйца, колокольчики и наперстки, пользующиеся большим успехом у иностранцев. Запах моих красок в какой-то степени перебивал запах лежачей больной.

В этом январе бабушка умерла.

Квартиру они приватизировали еще вместе с дедом

и завещали мне, как единственной внучке. Я быстро сделала ремонт, и с тех пор Костик занимает меньшую комнату, а большая одновременно служит моей спальней, мастерской и гостиной. Теперь родители не предпринимают попыток вернуть нас с сыном под свои зоркие очи, правда, регулярно навещаются в гости с ценными указаниями по поводу того, как нам жить и что делать. Дача ценных указаний, как я уже говорила, всегда заканчивается грандиозным скандалом, потому что мы не желаем принимать эти ЦУ к сведению, а также не позволяем включать телевизор. Родители же еще умудряются поругаться, спорят, кому что смотреть по моему ящику — новости или латиноамериканскую любовь (и это после того, как я один раз при них демонстративно развернула телевизор экраном к стенке!).

Но на каникулы сына следовало отправлять за город.

Я с радостью отдала бы его тете Кате на все лето, но она через три дня собирается на Урал к родственникам своего погибшего мужа. Поэтому придется отвезти сына в Белоостров. Все-таки он целый день будет на воздухе, да его и не воспитывают с такой назойливостью, как меня. А я стану навещаться пару раз в неделю без ночевки — и тоже не сидеть в доме, а вывозить Костика к воде. И до Курорта, и до Солнечного, где весьма неплохие пляжи, от дачи родителей на машине недалеко. А без меня Костик сам будет ходить с ребяташками на Сестру, протекающую поблизости от их дома.

В общем, в эту субботу я везла сына назад в Питер на старенькой «Ладе», доставшейся мне от деда. Он сам ездил на ней много лет, а пять последних ее использовала я, влившись в ряды автолюбителей, когда дед решил, что уже стар сидеть за рулем. Да и куда ему было ездить? Они с бабулей безвылазно жили в своей «хрущобе», не желая проводить лето на даче моих родителей. А тетя Катя не была их прямой родственницей.

— Мам, а что, если я неделку с тобой поживу? — спросил Костик. — А потом съездим к бабушке на про-

бу. Или я недельку буду с тобой в городе, а недельку — на даче. Ну пожалуйста?

— В такую жару сидеть в Питере! — возразила я. — У бабушки речка, лес недалеко...

— Но еще телевизор и радио, — добавил сын.

Мы дружно рассмеялись. Представляю, как прямо сейчас мама с отцом тщетно пытаются разделить этот несчастный ящик. Или уже перевезли на дачу и второй? Хотя кто бы им его повез, кроме меня?

— Посмотрим, — сказала я Костику.

Мне тоже не хотелось отпускать его от себя, но сейчас стоит такая погода... Мне же некогда каждый день водить его по пляжам. Лето — наплыв туристов в наш центр мировой культуры. Спрос на сувениры огромный. Приходится работать с утра до вечера.

Я специально решила вернуться в Питер в субботу, зная, какие пробки могут образоваться на дорогах в воскресенье, когда дачники возвращаются в город. Сейчас дорога была относительно свободна, во всяком случае, мы нигде не стояли.

— Ой, мам, смотри, какой медведь! — крикнул Костик, вытягивая вперед ручонку с заднего сиденья.

Да, этого огромного деревянного мишки раньше тут не было. Установили только что — за те два дня, которые я провела у тетки. Медведь стоял у ответвления дороги, приглашая посетить ресторанчик «У Миши», и показывал лапой, по всей вероятности, в направлении этого самого ресторанчика.

Я притормозила. Костик выскочил из машины, я последовала за ним. На небольшом щите, установленном рядом, расписывалось, что именно могут попробовать усталые автомобилисты у гостеприимного Миши.

— Mam, давай по мороженому, а? — заканючил Костик. — И колы.

— Кола в багажнике, — заметила я.

— Она там теплая, — возразил Костик. — Mam, ну пожалуйста!

Желание единственного ребенка для меня — свято. Может, я и не права, но мне постоянно хочется чем-то его побаловать — как не баловали меня мои твердокаменные предки. Я посмотрела в направлении, куда указывала лапа медведя. В отдалении вытянулось деревянное строение, перед которым было припарковано несколько машин. Пока я его разглядывала, к ресторану завернула «Нива», в которой сидели молодые мужчина и женщина вполне приличного вида. То есть вроде бы не бандитское гнездо?

— Поехали, — сказала я, возвращаясь к «Ладе».

— Ура! — Костик прыгал рядом.

На стоянке перед вотчиной некоего Миши обнаружили как машины отечественного производства, так и несколько иномарок, причем и навороченные, и, так сказать, среднего класса. В общем, Миша привлекал разных клиентов. Ну что ж, взглянем на цены.

Цены приятно удивили.

Нас с Костиком проводили в один из залов, отделанных в русском национальном стиле. Не могу сказать, сколько там было помещений, но, возможно, два молодца на входе быстро оценивали материальный достаток клиентов (судя по машинам, на которых те приезжали) и в зависимости от этого провожали в тот или иной зал? Не исключено, что одни и те же блюда в разных залах стоили по-разному. Парочка из «Нивы» оказалась в том же зале, что и мы с Костиком.

Сын изъявил желание отведать чего-нибудь существенного. Дома приходится прилагать немалые усилия, чтобы в него что-то впихнуть, а вот в гостях или какой-нибудь кафешке — это пожалуйста, уплетает за обе щеки.

Мясо в горшочке оказалось великолепным. После него мы съели клубничное мороженое, я выпила кофе, а сын — свою любимую колу.

Но во время поглощения десерта ситуация в ресторане начала нравиться мне все меньше и меньше...

Через наш зал четыре раза продефилировали два

бритоголовых типа, род деятельности которых не оставлял сомнений. Эти дюжие молодцы совершенно не обращали внимания на пару из «Нивы», но пялились на нас с сыном, вернее, на меня. Мужское внимание вообще-то всегда приятно, но только не от подобных личностей, не в таком количестве и не в таком, стоящем в удалении от населенных мест, заведении... Других посетителей, кроме пары, не видно и не слышно. Да и станет ли кто-то за нас вступаться, если что? Себе дороже.

Супермоделью меня не назовешь, буду откровенна, правда, натуральная блондинка, сейчас загорелая, а загар мне здорово к лицу. Серые глаза, рост средний, скорее худощавая, чем пухленькая. Без ложной скромности — симпатичная, но чтобы все мужики тут же бросались... Да и нет во мне ничего такого, чтобы вот так пялиться. Грабить, по большому счету, тоже нечего — если даже учитывать все добро, собственницей которого я являюсь.

Костик их пока не видел — он сидел спиной к залу, я же пару раз встречалась с холодными взглядами амбалов, от которых становилось не по себе... Или они на всех так смотрят? Если хотят ограбить, то будут страшно разочарованы — у меня в кошельке тысяча рублей, из которых большая часть уйдет на оплату ужина. На мне только маленькие золотые серьги, колечко не терплю — они действуют мне на нервы, в особенности когда работаю. Моя «Лада» таким молодцам тоже не нужна, как я понимаю. Тогда почему они так глазеют? Было бы мне хоть двадцать... Но мне тридцать два... Самим орлам я не дала бы больше двадцати пяти.

Я расплатилась с официантом в вышитой крестиком косоворотке, и мы с сыном отправились к нашей машине. Бритоголовых молодцев видно не было. Я завела мотор и тронулась с места.

Уже подъезжая к основной дороге, я заметила, что за нами, не приближаясь и не удаляясь, движется «Паджеро» с тонированными стеклами.

«Кому ты нужна? — сказала я себя. — Не паникуй раньше времени. Подумаешь — «Паджеро». Хозяева тоже закончили ужин и едут домой».

Мы выехали на шоссе. «Паджеро» не отставал. Внезапно я заметила, что перед нами на той же скорости, что и я, движется белый «Форд Скорпио». Этот-то откуда взялся? Сколько в нем сидит народу, рассмотреть было невозможно: стекла такие же, как в «Паджеро», тонированные. Правда, насчет джипа я могла сказать, что там по крайней мере двое — водитель и пассажир на переднем месте.

Я решила немного увеличить скорость. Потом снизила ее. Все мои действия повторял почетный кортеж. Костик тоже его заметил, но ему было страшно интересно. Он высказал несколько предположений, ни с одним из которых я не согласилась. Я вообще терялась в догадках, в очередной раз задавая себе вопрос: кому мы нужны?!

Километра через четыре на встречной полосе показалась «БМВ». Стекло у водительского места было припущено. Поравнявшись с «Фордом», «БМВ» сбавила скорость, из окна высунулась коротко стриженная голова на толстой шее, что-то прокричала людям в «Форде», затем немецкая машина вообще встала, пропуская нас троих. С «Паджеро» они тоже обменялись какими-то репликами. Я посмотрела в зеркало заднего вида. «БМВ» разворачивалась.

А затем началось светопреставление.

«БМВ» догнала нас с Костилом, и все три машины сопровождения взяли мою несчастную «Ладу» в «коробочку», прижимая ее к обочине. Скорость все время падала. Мне ничего не оставалось делать, как остановиться.

Из всех трех машин тут же высыпали дюжие молодцы, выведенные, должно быть, в одном инкубаторе, и лихо распахнули дверцу рядом со мной и заднюю.

— Вылезайте! — вместо приветствия заявил огромный бандерлог со сбитым на сторону носом.

— У меня только двести пятьдесят два рубля, — сказала я, не найдя реплики лучше.

— Вылазь, тебе говорят! — бандерлог начинал злиться.

Второй молодец тем временем выволок Костика с заднего сиденья. Ребенок заревел и заявил, что без телефона он никуда не поедет.

Мой багажник открыли без помощи ключей, схватили сумку с вещами и потащили ее в «Форд». Нас с Костиком бесцеремонно усадили в «Паджеро», подперев с двух сторон собственными торсами. Свою сумочку я прижимала к груди — там лежали ключи от дома и документы.

Как только все расселись по машинам, молодчики тут же сорвались с места, развив скорость, на которую я сама никогда бы не решилась. Моя незапертая «Лада» сиротливо осталась стоять на обочине.

* * *

Мы сделали несколько поворотов, я совсем запуталась, но вопросов не задавала. Костик пару раз открывал рот, но его попытки что-то разузнать были грубо пресечены. Я обнимала ребенка за плечи и прижимала к себе. Наконец мы притормозили перед каким-то строением, изрядно напоминающим средневековый замок. Не хватало только рва вокруг и подъемного моста. Правда, бетонный забор вокруг был весьма внушительным. Как я подозреваю, чтобы через него перебраться, потребовалось бы альпинистское снаряжение. Нельзя было исключать, что поверху пущен электрический ток. Я успела заметить какие-то провода.

Когда мы въехали во двор, залаяли собаки. К счастью, они были где-то заперты. М-да, отсюда так просто не убежишь...

Нас не очень вежливо вытолкали из машины, завели

в дом и проводили в просторную комнату на третьем этаже одной из башенок.

На окнах были решетки, правда, фигурные, но сквозь них пролезть не смог бы даже Костик, не говоря уже обо мне. Да и как бы мы спустились на землю по гладкой кирпичной стене, не располагая никакими специальными приспособлениями? В комнате стояли две полуторные кровати, имелся большой стенной шкаф, два кресла, трюмо, журнальный столик, посередине которого красовалась огромная ваза с фруктами, холодильник, заполненный безалкогольными напитками и пивом, а также совмещенный санузел с импортной сантехникой. В общем, комната напоминала номер в дорогой гостинице — судя по качеству мебели, общему оформлению интерьера и всему, что предстало нашим взорам.

Костик тут же отправился в ванную и принялся изучать выставленные там бутылки с шампунем. Он терпеть не может мыть голову и всегда орет, что ему щиплет глаза, так что мы пользуемся только «Чебурашкой», на которую он соизволил согласиться. Тут, правда, именно этого шампуня не оказалось.

— Мы здесь надолго, мам? — поинтересовался Костик.

— Спроси что-нибудь полегче, — ответила я, не зная, распаковывать вещи или нет.

Барахла у Костика было предостаточно, я же брала себе только смену белья, майку, купальник, длинную футболку и спортивную олимпийку на тот случай, если вечером станет холодно. В общем, придется мне довольствоваться джинсовой юбкой и менять футболку, что была на мне сейчас, на майку, валявшуюся в сумке.

«Э, что это ты, милашка? — одернула я себя. — Нас что, тут всю жизнь держать собираются?»

Я подошла к двери, ведущей в коридор, и дернула ее. Она была заперта снаружи. Как, впрочем, и следовало ожидать. Правда, практически сразу же после того, как я ее дернула, ключ в замке повернулся, дверь рас-

пахнулась, и на пороге появился верзила в майке-тельняшке, подчеркивающей мощнейший торс. На правом бицепсе выделялась татуировка — якорь с надписью «Северный флот».

— Чего? — вопросительно уставился на меня моряк.

— «Чебурашки» нет, — встрял Костик.

— Чего? — повторил моряк, переводя взгляд на моего сына.

— Где «Чебурашка»? — спросил Костик. — Почему нет «Чебурашки»?

Я молчала, не принимая участия в этой высокоинтеллектуальной беседе.

— Сейчас узнаю, — заявил моряк, закрыл дверь, повернул ключ в замке и удалился.

— Ты уверен, что он тебя понял? — обратилась я к сыну.

Костик ехидненько захихикал и ответил:

— А мы сейчас посмотрим. Как настоящие герои поступают с террористами?

Я не представляла, что с ними делают и ненастоящие, а главное — простые российские граждане, какими являлись мы с сыном.

— Они их ней-ней... нейтрализуют! — наконец выдал Костик. — Надо осмотреть нашу темницу. Какие тут есть средства борьбы с врагом? Нужно использовать все, что тут отыщется и что враг нам оставил.

И Костик принялся за дальнейшее исследование нашей «темницы». Правда, предоставленную нам комнату так назвать я бы не решилась: из трех окон, хоть и небольшого размера и закрытых решетками, света внутрь попадало достаточно. Мы вполне могли насладиться окрестным пейзажем — лесом, полем и дорогой, заканчивающейся у особняка. Других домов, насколько я помнила, вокруг не было, из окна тоже ничего похожего на человеческое жилище не просматривалось. Если и удастся отсюда сбежать, то не знаешь, куда выйдешь, если двинешься по этой дороге... Не в лес же углублять-

ся? С другой стороны, только в лесу и можно скрыться. В поле и на дороге сразу же заметят.

Пока мы ехали сюда, машины здорово петляли — наверное, чтобы запутать меня. Глаза-то нам с сыном не завязывали. Вначале стояли какие-то дома, я что-то пыталась запомнить, потом бросила это занятие — и вдруг мы оказались на пустынной дороге, по обе стороны которой вдаль уходили поля. И затормозили у этого средневекового замка. Что было перед поворотом? Нет, не вспомню. Я тогда уже запуталась. Да и местность эту совсем не знаю. Знаю только дорогу к тетке, а что по ее сторонам... И как отсюда убежишь? С охраной из таких головорезов?

«Главное, — решила я для себя, — выяснить, что похитителям от нас надо. В общем-то, разместили, как дорогих гостей, если не считать решеток на окнах».

Моряк все не возвращался. Костик осмотр комнаты закончил, взял из холодильника банку колы, вытащил из сумки книжку русских народных сказок и углубился в чтение. Я решила выстирать майку и белье, чтобы иметь смену.

Когда я их уже вешала на леске, державшей непромокаемую занавеску перед ванной, дверь в нашу комнату открылась и на пороге возник моряк в сопровождении невежливого бандерлога, ультимативно потребовавшего на шоссе, чтобы я вылезала из машины.

— Принесли? — невозмутимо спросил Костик, устроившийся в кресле.

Молодцы ему не ответили, вместо этого заглянули в ванную, увидели меня, развешивающую белье, выпучились, я же невозмутимо отвернулась и принялась расчесываться, наблюдая за тюремщиками в зеркало. Молодцы хмыкнули.

Костик поднялся с кресла и дернул моряка за штаны. Уж если моему ребенку чего захотелось, то так просто от него не отделаешься. Тюремщики, правда, об этом пока не знали.

— Дядя, ты принес мне «Чебурашку»? — снова спросил Костик у моряка.

— Чего? — опять удивился тот.

Мне хотелось поинтересоваться, знает ли представитель Северного флота еще какие-то слова, но я решила пока поумерить свое любопытство.

— Зачем он тебе? — спросил второй.

— Мама собиралась сегодня меня мыть, — ответил Костик.

— Чего? — снова выпучился на сына моряк.

— Не понял, — признался бандерлог.

— Чего тут непонятного? — спросил мой сын.

— Все, — сказал бандерлог.

По крайней мере, этот — человек честный, порадовалась я. Не понимает — и смело признается в этом. Пытается докопаться до сути. Похвально. Но как бы нам побыстрее избавиться от общества обоих и продолжить свой путь домой?

— Ребенок, объясни подробно, — попросил бандерлог, устраиваясь на кровати. Кровать скрипнула.

Моряк занял одно из кресел. Я решила, что мне тоже следует поприсутствовать при беседе, и устроилась на подоконнике, предполагая, что следующие полчаса должны пройти очень интересно. Хоть развеем рутину привычных будней.

— Мама собиралась меня сегодня мыть, — начал Костик свои объяснения, — потому что в понедельник отключают горячую воду, а раз в понедельник, то ее может не быть уже в воскресенье вечером, и завтра все станут мыться, и напор будет плохой, потому что мы живем на последнем этаже.

— Вода будет все время, — заявил бандерлог. — На всех этажах. Можете не беспокоиться.

— Не будет, — настаивал Костик. — Если объявление повесили, что отключат, то отключат. А мыться к бабушке я не поеду.

— Помоешься здесь, — бандерлог, кажется, начинал что-то понимать.

— Здесь нет «Чебурашки», — покачал головой мой сын.

Молодцы решили обратиться за объяснениями ко мне. Но я не стала просвещать их по поводу наших семейных привычек, вместо этого поинтересовавшись, долго ли господу собираются нас здесь держать. Я предпочту погреть воду у себя на плите, чтобы вымыть сына в своей старой чугунной ванне, чем плавать в дорогой пене под сводами темницы. Сколько мне еще терпеть это заточение в четырех стенах? Правда, насчет стен я малость загнула — башня-то круглая.

— Пока твой папаша тебя не выкупит, — ответили мне.

— Чего? — на этот раз тупо удивилась я.

— А во сколько вы оценили маму? — встрял Костик.

— Миллион баксов, — небрежно сообщил бандерлог.

Я тут же посмотрела на себя в зеркало и заметно приподнялась в собственных глазах. Приятно было услышать свою оценочную стоимость, выраженную в твердой валюте. Только вот откуда родитель возьмет такие деньги? Но это было уже второй мыслью, немного омрачавшей радость от первой.

— И дите обойдется ему во столько же, — добавили молодцы. — Вот уж не гадали, что у Чапая внук есть. Скрывал ото всех. Старый прохиндей. Ты где его прятала?

Я удивленно посмотрела на молодцев. Какой Чапай? Мой родитель никоим образом не походил на легендарного героя, а все мои знакомые знали, что Костик имеет место быть.

С каждой минутой я убеждалась в том, что меня с кем-то перепутали. Вот только что они с нами сделают, когда об этом узнают? Развеивать ли заблуждение тюремщиков, или пусть пока пребывают в неведении?

— Ну, не хочешь говорить — не надо, — тем време-

нем заявил бандерлог. — Приедет Артем — ему все равно все выложишь. Он с тебя три шкуры спустит за Сашку. Как раз на днях собирался.

— Кто такой Сашка? — встрял Костик.

— Один бывший мамин знакомый, — пояснили ребенку.

— Никакого Сашки не было, — заявил мой сын. — Моего папу зовут Андрей. Потом был дядя Леша.

— Был еще и дядя Саша, — упрямо твердил бандерлог.

— Не было, — настаивал Костик.

— Саши не было, — подтвердила я, возмущенная тем, в каком неблагоприятном свете меня представляют перед собственным ребенком. Можно подумать, я каждый день меняю мужиков. Я если и завожу отношения с мужчиной, то только с глубоко положительным и сразу же представляю его ребенку. Я считаю, что с сыном нужно быть честной. И объясняю, что мне нужно устраивать свою личную жизнь. Причем Костик твердо знает, что я никогда не выйду замуж за человека, который будет к нему плохо относиться.

— А кто из-за тебя, из-за маньячки, свихнулся?! — заорал моряк.

Я порадовалась тому, что он знает еще несколько слов русского языка, но тут же забеспокоилась о возможных последствиях неблагоприятного поступка некой личности, которую мои тюремщики считали... не совсем здоровой. Следовало вытянуть из них как можно больше информации.

Но сын меня опередил, попросив пояснить, кто же все-таки такой этот Саша.

Оказалось, что дядя Саша — это друг и соратник дяди Артема, спутавшийся с мамой Костики, хотя его и предупреждали, что делать этого не следует. Но он никого не слушал, а мама тем временем крутила им как хотела, свела с ума, а потом бросила, найдя себе другую жертву. Дядя Артем, единственный, смог найти в себе

силы первым порвать со мной отношения, чем меня сильно разозлил. Я и решила отыграться на его соратниках. Тут-то в мои сети и попался дядя Саша. Несмотря на лечение у каких-то модных сексопатолога и психоаналитика, дядя Саша с тех пор ходит сам не свой и постоянно бредит. Работать не может, делать ничего не хочет, вообще стал похож на животное.

Я не решилась высказывать свое мнение о том, на кого похожи наши тюремщики, хотя и ощущала себя, словно в загоне рядом с братьями нашими меньшими, только очень крупных размеров.

Вместо этого я попробовала выяснить, кто же такой Артем.

— Не придуривайся, — ответили мне.

— Кто такой Артем? — тогда спросил Костик.

— Дедушкин конкурент, — ответили ему.

— Он из другой партии? — на полном серьезе уставился на тюремщиков Костик.

Они тоже на него вылупились.

— А к какой партии принадлежит дедушка, ты знаешь? — спросили у ребенка, также посматривая и на меня.

— Он коммунист, — без запинки ответил Костик. — Он требовал, чтобы я вступил в октябрюта. У них там была какая-то торжественная церемония для внуков и детей членов партии. А у нас в классе никто про таких не слышал. И даже кто такой Ленин, не все знают. А я знаю, потому что мой дедушка мне много всего про этого Ленина рассказывал. Но мама была против — не хотела, чтобы я вступал в октябрюта, — и меня отбила. Дедушка не сдастся и хочет, чтобы я потом вступил в пионеры. Но мама тоже против. А я еще не решил. Но у меня есть время подумать.

Взгляды у молодцев стали какими-то осоловевшими, они их постоянно переводили с Костика на меня и обратно.

— Чапай — коммунист?! — наконец натужно родил моряк.

— Дедушка Чапай? — тут же переспросил Костик, наслушавшийся от моего родителя сказочек про легендарного героя, кстати, одного из любимых литературных персонажей папаша. — А как же. Вы что, не знали?

— Не знали, — процедили молодцы и опять переглянулись.

— А вы что думали? — поинтересовался Костик.

По-моему, с этим процессом у молодцев было не очень, но они явно не предполагали, что некий ныне здравствующий Чапай поддерживает партию Зюганова. Выяснить бы, чем он вообще занимается. Кто такой и с чем его едят?

Внезапно на боку у бандерлога запищала рация. Молодец послушал, что ему сообщили, сказал: «О'кей», отключил рацию и встал.

— Артем подъезжает, — сообщил он нам с Костиком. — Готовьтесь.

С этими словами моряк с бандерлогом покинули нашу комнату, закрыв дверь и повернув ключ в замке.

— Что будем делать? — посмотрел на меня сын.

— Готовиться, — ответила я, решив подправить мажор, чтобы предстать перед неизвестным мне пока Артемом в апогее своей формы. Уж если меня оценили в миллион долларов, то нужно не ударить в грязь лицом и постараться соответствовать оценочной стоимости. Хотя бы на одну ...дцатую часть.

Я удалилась в ванную, оставив дверь открытой, а Костик устроился на подоконнике, чтобы наблюдать за развитием событий во дворе и комментировать происходящее.

Через несколько минут ворота открылись и на территорию замка въехал очередной навороченный джип с тонированными стеклами. Модель машины мой ребенок определить не смог. Из джипа выбрались четыре человека.

— Два монстра, два нормальных! — крикнул сын.

«И какими, интересно, окажутся эти «нормальные»?» — подумала я.

Теперь во дворе стояло уже четыре машины иностранного производства. Я же с ностальгической грустью подумала о своей «копейке». Где-то сейчас моя девочка? Стоит небось брошенная на обочине. Если еще не угнали. Неужели теперь останусь без машины? «С головой бы остаться», — тут же одернула я себя.

Минут через двадцать после прибытия в замок новой партии людей наша дверь распахнулась, на пороге возник моряк и произнес одно слово:

— Пошли.

Я хотела взять свою сумку, а Костик — тамагочи, но моряк велел:

— Все оставить здесь.

Мы оставили и тронулись вниз по лестнице. Моряк замыкал шествие. У нижней ступеньки нас уже ждал бандерлог, и мы вчетвером пошли в конец коридора первого этажа, где остановились у предпоследней двери. Бандерлог ее распахнул и приказал нам заходить.

Мы с сыном оказались в большой гостиной с камином, перед которым стоял обтянутый зеленым сукном стол с четырьмя креслами вокруг. Два были заняты. У каждого из двух окон находилось по молодцу, еще несколько личностей (все из того же инкубатора) прогуливались по коврам.

При нашем появлении все застыли на местах. Дверь за нашими спинами закрылась, и бандерлог с моряком вытянулись по стойке «смирно» справа и слева от нас с сыном. Я держала Костика за руку.

На несколько секунд в гостиной воцарилась мертвая тишина. Я чувствовала себя несчастной зверюшкой в зоопарке, на которую приходят посмотреть всякие идиоты, ожидающие увидеть что-нибудь «эдакое».

Что я сделала бы на месте такого зверя?

Я высунула язык и показала его мужчине лет трид-

цати пяти — довольно привлекательному кареглазому шатену, восседавшему в одном из кресел с сигаретой в руке. Мне показалось, что он тут главный.

Желание показать язык возникло не только у меня — у Костика оно появилось одновременно со мной. Вообще-то мы — мать с сыном, можем же мы думать одинаково? Особенно в критических ситуациях?

Мужик с сигаретой вскочил с кресла так, словно его в мягкое место только что ужалила пчела, и заорал благим матом:

— Кого, мать вашу, вы сюда привезли?!

Я быстро закрыла ребенку уши, чтобы он не слышал всех произносимых дядей колоритных выражений, адресованных нашим похитителям.

Если за миг до этого в гостиной стояла мертвая тишина, то теперь все собравшиеся в комнате орали как резаные. Сигарета у мужика в руке догорела до фильтра, он обжегся, в очередной раз выругался, бросил ее на ковер, прожег в ковре дырку, опять выругался, а потом в бессилии плюхнулся в кресло.

Крики стали понемногу стихать, и тут Костик заявил, что он хочет пить. Все смолкли.

— Принесите, пожалуйста, ребенку попить, — очень вежливо сказала я, подумывая, не попросить ли еще разрешения сесть. Стоять перед этой оравой мне порядком надоело.

— Принеси, — кивнул шатен моряку.

— Колы, — добавил Костик.

Моряк удалился.

— Садитесь, — устало сказал шатен нам с сыном, указывая на два свободных кресла.

Мы сели. Появился моряк с банкой колы.

— А стакан? — спросил ребенок. — Мама мне всегда говорит, чтобы я не пил из банки. На ней микробы.

Из бара, находящегося в комнате, тут же извлекли несколько бокалов и поставили их на зеленое сукно.

— А что будете вы? — спросили у меня.

— Виски. Без содовой, — ответила я, полагая, что сегодня за руль мне садиться уже не придется, да и, откровенно говоря, выпить хотелось здорово, причем чего-то покрепче. Я понимала, что в сложившейся ситуации без полбутылки не разберешься.

Когда мы все устроились со стаканчиками, а те, кому не хватило сидячих мест, подперли спинами стены, старший снова очень внимательно посмотрел на меня и заявил:

— Но похожа, черт побери...

— На кого я похожа? — решила выяснить я.

— На Анку, — пояснил старший.

Можно подумать, я знаю, кто такая Анка. Я как раз поинтересовалась об этом. Старший усмехнулся и наконец спросил, как меня зовут.

— Лера, — представилась я.

— За знакомство, Лера! — поднял свой бокал шатен и чокнулся со мной. — Артем. Ребенок, а тебя как звать-величать?

Ребенок представился. Остальные присутствующие промолчали, да я бы все равно их всех не запомнила, тем более многие смотрелись как близнецы.

— То есть вы даже не знали, что так похожи на Анку? — поинтересовался Артем.

Я завелась и высказала Артему все, что думаю о захвате нас с Костиком в плен и его молодцах, обращавшихся с нами не очень вежливо, чтобы не сказать хуже.

— Я не знаю никакой Анки и никакого Чапая и знать их не хочу! — закончила я свое сольное выступление.

— Но про Чапая ты знаешь, — заметил Артем, переходя на «ты». — Я его не упомянул ни разу. Упомянула ты.

— Эти рассказывали, — встрял Костик, кивая на застывших у двери моряка с бандерлогом.

— Что рассказывали? — быстро спросил Артем, бросая суровый взгляд на подчиненных.

— Они говорили, что Чапай — мой дедушка, — сообщил Костик. — И не верили, что он коммунист.

Минут двадцать ушло на выяснение сути беседы, состоявшейся в отведенной нам с сыном комнате. Еще через полчаса собравшиеся знали все про мои отношения с родителями, умершую бабушку, наши с Костиком жилищные условия и род моих занятий. Мне же, к моему великому сожалению, ничего нового выяснить не удалось. Артем, следует отдать ему должное, очень умело вел допрос, выясняя все, что его интересовало, и не предоставляя взамен никакой информации. Остальные в разговоре не участвовали, только напряженно слушали.

Вскоре мы переместились в другую комнату, где уже был накрыт стол. Мы во второй раз поужинали. Ребенок уплетал подаваемые яства за обе щеки.

— В общем, так, — заявил Артем в конце трапезы. — Сегодня ехать в город уже поздно. Переночуете здесь. Условия, я надеюсь, устраивают?

Я кивнула. Мне еще не приходилось жить в подобных апартаментах.

— Завтра ребята отвезут вас домой.

— А моя машина? — уточнила я.

Артем вопросительно посмотрел на бандерлога.

— Ну это... — протянул он. — Мы когда увидели, что Анька на такой колымаге...

— На ней мой прадедушка много лет ездил и мы с мамой уже пять, — встрял Костик.

Бандерлог молчал.

— Где моя машина? — повторила я, глядя прямо на похитителя.

— Ну, там осталась... — протянул он. — Ну, мы думали...

Артем тут же отдал распоряжение, чтобы за моей машиной съездили и пригнали ее к дому. Я поблагодарила его.

Вскоре мы с сыном отправились в предоставленные нам апартаменты. Но перед тем как ребенок заснул, я спросила его мнение о наших новых знакомых — всегда полагаюсь на его детскую интуицию.

Костику понравились два наших основных тюремщика — моряк с бандерлогом.

— А дядя Артем? — уточнила я.

— Он злой, — сказал ребенок. — Я ему не верю.

* * *

Утром нам предложили съездить искупаться и позагорать. Мне это не понравилось.

— Где Артем? — спросила я.

Мне ответили, что он уже уехал (и в самом деле, второго джипа во дворе не было видно), приказав развлекать нас до обеда, накормить, а потом отвезти домой.

— Вчера я поняла, что домой нас отвезут утром, — заметила я.

Мне ответили, что обстоятельства изменились.

Складывающаяся ситуация начинала мне нравиться все меньше и меньше. Прав был мой ребенок, заявив вчера перед сном, что дяде Артему он не верит. Хозяин замка, видимо, решил меня как-то использовать, заметив внешнее сходство с какой-то Анкой, дочерью Чапая? А если все-таки согласиться поехать на речку, а там попытаться сбежать? Нет, как тут сбежишь, от какой-то оравы?

— Где моя машина? — решила выяснить я.

На этот раз мне ответили, что машина будет позднее.

Костик высказался за купание, и мы отправились на «Паджеро» к какому-то очень чистому, но довольно холодному озеру, где провели часа три. Костика всячески развлекали, что ему очень понравилось. Приятный молодой человек поддерживал со мной беседу на отвлеченные темы, но стоило мне задать какой-нибудь вопрос на одну из интересующих меня, как он тут же увел разговор в другое русло.

Когда мы вернулись в замок, нас уже ждал обед, по-

сле которого мне сказали, что можно возвращаться домой.

Я удивленно посмотрела на говорившего. Честно признаться, теперь я уже не ожидала, что меня так просто отпускают. Парень усмехнулся.

— Все нормально, — сказал он. — Задержка вышла, пока оформляли машину.

— Что? — уставилась я на него. — Зачем ее оформлять?

— Ну ваша, в общем...

— Где моя машина?! — взвизгнула я.

Мне предложили пройти во двор. Там стояла, поблескивая на солнце, ярко-красная «Тойота Королла» с тонированными стеклами.

— Вот, — сказал провожатый.

— Что «вот»? — не поняла я.

— Ваша машина. Документы в «бардачке». Не волнуйтесь. Машина не «паленая». Документы в полном порядке.

У меня от удивления открылся рот. У Костика тоже.

— Простите за доставленное беспокойство. Вас проведут до выезда на шоссе.

Я приложила немалые усилия, чтобы не завопить от радости.

Глава 2

«Тойота» оказалась двухтысячного года выпуска, но в прекрасном состоянии и совсем недавно покрашена. Сидя за рулем, я просто наслаждалась жизнью.

Несколько дней весь наш двор обсуждал появление у меня новой машины. Я таинственно улыбалась. Костик молчал, как партизан на допросе в гестапо.

Мы, как я уже говорила, живем в самой обычной хрущевке, но ее месторасположение имеет один боль-

шой плюс — перед домом простирается заброшенный яблоневый сад.

Когда мои бабушка с дедушкой переехали в этот дом из коммуналки, место новостройки еще нельзя было считать городом, хотя официально оно значилось в пределах его границ. Территория принадлежала то ли колхозу, то ли еще какому-то сельскохозяйственному объединению. Огромный сад был обнесен забором, его охранял сторож с дробовиком, иногда пускавший сюда молодых мамаш с колясками за рубль с носа. И до сих пор этот район Питера остается относительно зеленым. По крайней мере, есть где гулять с ребенком, выгуливать собак, имеются дорожки для бегунов, а посреди сада даже заасфальтирован круг, чуть меньше километра, на котором тренируются лыжники на лыжероллерах. Единственный недостаток — нет никакого водоема, а то бы в жаркую летнюю погоду можно было, не отъезжая никуда от дома, просто лечь у водички и позагорать. Правда, я и так загораю в саду, потом плескаюсь в собственной ванной. И до карьеров, тоже оставшихся в нашем районе, от меня недалеко — в особенности на машине.

Автомобили, стоявшие вдоль нашей пятиэтажки, никогда не отличались ничем особенным. Да и что могут себе позволить жители «хрущобы»? Выдавшие виды «жигуленки» и «Москвичи», изредка иномарка с какой-нибудь немецкой свалки. Моя ярко-красная «Тойота» казалась дамой в вечернем платье в окружении бомжей.

Я решила, что обновку следует держать на платной стоянке, которой раньше никогда не пользовалась. Я вообще всегда считала: зачем машина, за которой нужно куда-то ходить? Многие могут со мной не согласиться, но, по-моему, машина должна стоять под окнами, чтобы прыг в нее — и понеслась по делам. Однако оставлять под окнами «Тойоту» было бы неразумным, тем более что мы живем на пятом этаже. И что я смогла бы предпринять против угонщиков?

Вечером в воскресенье ко мне в дверь позвонил сосед, держащий в каждой руке по бутылке.

— Надо отметить твоё приобретение, — заявил Артур. — У кого будем? У тебя, меня или Лехи?

Из комнаты появился Костик и поздоровался с дядей Артуром.

— О, ты ребенка еще не отправила? Ребенок, ты надолго к маме на побывку?

— Завтра повезу к бабушке с дедушкой, — сообщила я, ясно представляя, как родителиотреагируют на новую машину.

— Ну тогда давай у тебя, — сказал Артур. — Сейчас Леху привезу.

Я должна сделать небольшое отступление, рассказать о моих соседях.

У нас на площадке три квартиры: две двухкомнатные — одна напротив другой — и трехкомнатная по центру. Напротив меня проживает Артур Михайлович Иванов вместе с мамой и бабушкой. Правда, дамы сейчас на даче поднимают сельское хозяйство, чтобы всю зиму кормить сына и внука запасами, сделанными летом. Артур имеет кожу совершенно черного цвета. Хотя он и мулат, но при виде его никогда не скажешь, что матушка его — представительница белой расы.

Тетя Таня — детский врач-терапевт нашей районной поликлиники — в свое время стала невольной жертвой советско-нигерийской дружбы. СССР активно помогал нашим черным друзьям в подготовке национальных кадров, и дети царьков, князьков и прочих высокопоставленных лиц слаборазвитых стран обучались разным наукам, чтобы, в частности, развивать здравоохранение у себя на родине. Некий Муртала был одним из будущих врачей. Так он и познакомился с мамой Артура.

Правда, Артур появился на свет уже после того, как Муртала навсегда отбыл в солнечную Нигерию. Отчество сыну записали русское, наиболее близкое к тому, что можно составить, исходя из имени папаши, а фамилия

досталась от матери. В результате получился Артур Михайлович Иванов, совершенно черного цвета.

Тетя Таня замуж так никогда и не вышла. Несколько поклонников, завидя ее отпрыска, как-то быстро исчезли с горизонта. Все эти сплетни я знала от своей бабушки, у которой часто гостила.

Артур, выращенный мамой и бабушкой, был ребенком избалованным, тем более что обе женщины считали его бедненьким, несчастненьким и обделенным и просто сдували с него пылинки. Его закармливали шоколадом и прочими сладостями, а родители деток, которых приводили на прием к тете Тане в поликлинику, зная, что у врачихи ребенок-негритенок, почему-то дружно презентовали ей бананы, являвшиеся в детские годы Артура дефицитом. Шоколад негритенок поедал с удовольствием, а вот бананы ему почему-то не нравились, и его стало от них тошнить уже в годы банановых лишений советского народа, теперь же он, как признавался сам, просто отворачивался, проходя мимо палаток, торгующих фруктами, продавцы которых, заметив Иванова, тут же начинали зазывать его к себе, предлагая купить ненавистные бананы.

В настоящее время господин Иванов представлял собой этакую стодевяностосантиметровую махину с огромными лапищами и небольшим животиком и смотрелся весьма экзотично на шестиметровой кухне и в прочих закутках наших мини-квартир.

В трехкомнатной квартире жил бывший одноклассник Артура Алексей Охрименко с родителями. Лехе в жизни крупно не повезло — он подорвался на mine в Чечне и лишился обеих ног. Теперь его заветной, но, видимо, неосуществимой в обозримом будущем мечтой были немецкие протезы. Леха передвигался в инвалидной коляске, которую во двор ему помогал спустить друг Артур. Вот где пригодилась негритянская силушка — как бы Леха или его родители спускали его с нашего пятого этажа без лифта? Сидеть бы инвалиду безвы-